

УДК 811.161.1

Самсонов Н.Б.*Московский государственный областной университет***ТРЕТЬЕ ЛИЦО В КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ**

Аннотация. Статья посвящена исследованию семантических особенностей 3-его лица, которые обусловлены его позицией по отношению к коммуникативной ситуации. 3-е лицо противопоставлено другим лицам как не-участник речевого акта лицам речи – говорящему и адресату. Семантика 3-его лица характеризуется разноплановостью, в связи с чем выделяются собственно-личное (проксимальное) и предметно-личное значения, причём в каждом из них может проявляться оттенок тематического значения. Проксимальное значение представляет как не-участника речи, так и её тему; предметно-личное значение конструктивно обусловлено и не проявляется вне тематического.

Ключевые слова: третье лицо; личная семантика; коммуникативная ситуация; проксимальное, собственно-личное и предметно-личное значения; тематическое значение; глагольная категория.

N. Samsonov*Moscow State Regional University***THE THIRD PERSON IN THE COMMUNICATIVE SITUATION**

Abstract. The article investigates the semantic features of the third person, which are caused by its position in relation to the communicative situation. Third person is opposed to other persons non-participant and participant of the speech act – the speaker and the addressee. The semantics of the third person is characterized by its diversity, and therefore one can distinguish a proper stand-personal (proximal) and subject-personal meanings, and each of them can manifest thematic hue values. Proximal meaning presents not only a non-participant speech, and its theme, subject-personal meaning constructively determined and is not available outside thematic.

Keywords: third person, personal semantics, communicative situation, proper stand-personal (proximal) and subject-personal meaning thematic meaning, the verb category.

Трёхчленную категорию русского лица интересно рассмотреть с позиций семантики. Впервые попытку представить категорию лица с учётом семантической разноплановости 3-его лица предпринял Д.Н. Овсяннико-Куликовский. Он предложил различать определённо- и неопределённо-личное синтаксические значения, отнеся к последнему и обобщённо-личное. Кроме того, безличные значения глаголов он также отнёс к синтаксической категории лица. Вот как выглядит его классификация: «Мы принимаем *пять синтаксических лиц* в глаголе:

первое – лицо говорящее <...>; второе – то, к которому обращена речь <...>; третье – то, о котором идёт речь (несёт, сидит, сказал, несут, сидят, они <...> сказали); четвёртое – неопределённое в так называемых «неопределённо-личных» предложениях, как напр. «говорят», «пишут», «просят не курить», «тише едешь – дальше будешь»; это лицо в русском языке выражается глагольными окончаниями 3-го лица множ. числа и 2-го лица един. ч. <...>; пятое лицо есть лицо мнимое; по окончании оно совпадает с третьим лицом ед. ч., но, по смыслу, не обозначает никакого, – ни третьего, ни второго, ни первого, представляя собой *грамматическую фикцию*; мы находим его в безличных (бессубъектных) оборотах типа «светает», «морозит», «тошнит»» [6, с. 100]. В наше время безличное значение вынесено за пределы категории лица (хотя всё равно рассматривается в связи с ней), а неопределённо-личная семантика отнесена к зоне представления 3-его лица. Е.В. Клобуков пишет: «Нередко глагольные формы 3-го лица, употреблённые вне сочетания с подлежащим, имеют так называемое неопределённо-личное значение <...> оно остаётся в рамках категориального (предикативный признак соотносится не с говорящим или адресатом, а с предметом речи, пусть и неопределённым)» [9, с. 536].

Р.О. Якобсон не рассматривает 3-е лицо как собственно лицо, поскольку эта категория у него отнесена к шифтерам – особому классу грамматических единиц, общее значение которых «...не может быть определено без ссылки на сообщение» [10, с. 97]. 3-е лицо, конечно, находится вне пределов конкретного сообщения, однако,

на наш взгляд, оно определяется тоже по ссылке на конкретное сообщение – как не-участник его. Не попало оно в шифтеры, видимо, по другой причине: Якобсон предлагает различать факт сообщения и сообщаемый факт, при этом 1-е и 2-е лицо являются как участниками факта сообщения, так и участниками сообщаемого факта, 3-е же лицо – это только лишь участник сообщаемого факта, но не участник факта сообщения. Это обстоятельство не позволяет провести внутри 3-его лица «шифтерное сопоставление», в результате шифтер лица представлен так: «Лицо характеризует участников сообщаемого факта по отношению к участникам факта сообщения. Так, 1-е лицо свидетельствует о тождестве участника сообщаемого факта с активным участником факта сообщения, а 2-е лицо о его тождестве с реальным или потенциальным пассивным участником факта сообщения, т. е. с адресатом» [10, с. 100]. Про 3-е лицо здесь, соответственно, ничего не сказано.

Итак, 3-е лицо определяется как не-участник речевого акта, но ведь тогда его нужно принципиально противопоставить участнику речи, и мы получим два лица в оппозиции: одно лицо – участник, другое – не-участник. Нам могут возразить, что в участнике речевого акта здесь обобщены разные роли участия: говорящий (отправитель сообщения) и адресат. Однако у нас есть контраргумент: не-участником названы ведь ещё более разные сущности, ср: *В своё время он* [город. – Н. С.], конечно, не раз пережил *всё, что полагается: в таком-то веке его «дотла разорил» один хан, в таком-то другой, в таком-то третий, тогда-то «опустошил» его великий пожар, тогда-то*

голод, тогда-то мор и трус... (И. Бунин). Выделенные слова представляют не-участников речевого акта, но среди них есть одушевлённые личные существительные, референты которых при определённом условии могли бы стать говорящим или адресатом речи, а есть и не-участники, которые участниками быть не могут, они предметы речи: *всё, что, пожар, голод, мор, трус*. Личное местоимение *он*, замещающее слово *город*, тоже должно быть отнесено к этому списку, а вместе с ним, соответственно, и притяжательное местоимение *его*.

Семантика 3-его лица, как и других лиц, полностью обусловлена структурой коммуникативной ситуации: «...не в фактическом распределении предметов по трём лицам речи заключается значение слов *я, ты* и *он*, а в том распределении, которое производит само лицо говорящее» [7, с. 82]. А.М. Пешковский характеризует 3-е лицо как «...лицо, о котором идёт речь (3-е лицо речи, причём в этом случае неговорящие предметы тоже включаются в понятие «лица»)» [7, с. 81].

В отличие от 1-ого и 2-ого лица, 3-е лицо характеризуется большей неопределённостью, потому что выделяется «по остаточному принципу»: это тот или то, кто не участвует в речевом акте. Именно говорящий распределяет роли: говорящий всегда *я*, и адресата речи – *ты, вы* – выбирает говорящий, а вот всё остальное необозримое многообразие людей, одушевлённых существ и предметов неживой природы, а также относящихся к ним признаков и действий не выбирается или не всегда специально выбирается говорящим (эта разница нас интересует) и по умолчанию вынесено за пределы акта

речи. Это многообразие – целый мир, реалии которого маркируются местоимениями *он, она, оно*. Таким образом, у 1-ого и 2-ого лица с одной стороны и у 3-его с другой несопоставимо разные по объёму множества референтов. Сказанное можно проиллюстрировать примером, доказывающим неопределённость значения 3-его лица. Попробуем опустить слово, представляющее субъект высказывания, в предложениях с глагольными формами, имеющими личные значения, ср.: *Нахожусь сейчас в Москве. – Находишься сейчас в Москве. – Находится сейчас в Москве*. Только в последнем предложении недостаёт информации, только оно является неполным. Сопоставляя сказуемые глагольные формы 1-го, 2-го, 3-го лица в их отношении к подлежащим, А.М. Пешковский пишет: «Разница <...> между первыми двумя лицами и третьим лицом объясняется тем, что при первых двух лицах в качестве подлежащего возможны только слова *я, ты; мы* и *вы*, т. е. слова, у которых основное значение сводится к понятию лица речи <...> Напротив, в 3-м лице подлежащим может быть не только личное слово *он*, но и тысячи других слов со всевозможными значениями» [7, с. 169-170].

Сказанное находит выражение в различении семантических разновидностей 3-его лица: значения собственно-личное (или проксимальное, по терминологии О.С. Ахмановой [1, с. 221]) и предметно-личное; в этом разделении отражается смысловое противопоставление по признаку одушевлённости / неодушевлённости. Думается, что такое разграничение актуально для нашего анализа: В.В. Виноградов, говоря о существительных,

отмечал, что «категория лица тесно связана с категорией одушевлённости, которая широко развилась, поглотивши, вернее, вобравши в себя категорию лица» [2, с. 81]. Исследуя эго-катеорию в русском языке, Н.В. Иосилевич относит одушевлённость субстантива к факторам, способствующим «обретению словоформой или сочетанием слов значения языкового субъекта» [3, с. 17].

Проксимальное 3-е лицо – это статус, осознанно присвоенный говорящим лицу как не-участнику речи. Сказав *он, она*, обозначающих человека, или употребив личное существительное, говорящий этим самым исключает их участие в речевом акте. Именно из этого следует этическое правило, рекомендуемое не говорить о присутствующих в 3-ем лице. Кстати сказать, проксимальное синтаксическое значение 3-его лица включает в себя и неопределённо-личное значение. Вряд ли можно найти случаи, когда под неопределённым субъектом можно было бы представить себе не лицо.

Предметно-личное значение 3-его лица – в большей мере значение предмета речи, чем не-участника коммуникативного акта: *Вдали мигнул огонь вечерний – Там расступились облака. И вновь, как прежде, между терний Моя дорога нелегка* (А. Блок). Если это значение присутствует в подлежащем, как в приведённых предложениях с 3-им синтаксическим лицом, то его можно определить как тематическое: тема (*thema*, греч. – то, что положено [в основу]) – «предмет, основное содержание рассуждения, изложения, разговора и т. п.» [5, с. 777].

Тематическое значение, конечно, может совмещаться и с проксималь-

ным, напр., об учителе: *У него и лицо не такое, и походка смешная, и сам он добрый, а к тому же худой и всегда кашляет* (А. Гайдар), но выделение тематического значения в пределах предметно-личного позволяет отграничить от него употребление существительных, представляющих объекты, слабо связанные с идеей распределения коммуникативных ролей – например, в предложении *Мы разошлись, вкусивши оба предчувствий неги и земли* (А. Блок), где 1-ое синтаксическое лицо представлено местоимением *мы*, а значения существительных не проявляются по отношению к ситуации речи.

В заключение подытожим: значение 3-его лица имеет особенности, определённые коммуникативной ситуацией: оно представляет не-участника речи и / или тему (предмет) речи и характеризуется меньшей определённостью по отношению к участникам речевого акта. Проксимальное значение представляет как не-участника речи, так и её тему; предметно-личное, присущее неличным существительным, конструктивно обусловлено и не проявляется вне тематического.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е. – М., 2004. – 576 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М., 2001. – 720 с.
3. Иосилевич Н.В. Субъективация как процесс развития эго-категории в русском языке// Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – 2012. – № 1. – С. 13 – 17.
4. Лекант П.А. Категории рационального и эмоционального в русском языке и

- русской речи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – 2012. – № 5. – С. 44–48.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М., 2003. – 896 с.
 6. Овсянико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. – Спб., 1902. – 312 с.
 7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1935. – 452 с.
 8. Самсонов Н.Б. О специальных и неспециальных средствах выражения семантики третьего лица // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – 2013. – № 6. – С. 40–43.
 9. Современный русский литературный язык: Новое издание: учебник / под ред. П.А. Леканта. – М., 2009. – 766 с.
 10. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М., 1972. – С. 95–113.